

KAL'MINA Liliya Vladimirovna, Dr.Sci. (Hist.), Associate Professor, Leading Researcher of the Department of History, Ethnology and Sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; kalminal@gmail.com)

PLEKHANOVA Anna Maksimovna, Dr.Sci. (Hist.), Associate Professor, Leading Researcher of the Department of History, Ethnology and Sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; plehanova.am@mail.ru)

TRANSPORTATION INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT PROJECTS AS A FACTOR OF SHAPING A TRANSBOUNDARY TRADING SPACE OF RUSSIA/USSR – MONGOLIA

Abstract. *This paper analyzes the role of railroad construction in the shaping of a Russian-Mongolian transboundary trading space. The junction of Russia and China by the railroad via Kyakhta and Urga was strategically significant for the Russian/Soviet state, creating conditions for its dominance in the Mongolian economic area. The idea to build the Kyakhta railroad branch line developed by the state with assistance of Transbaikalian merchants was implemented as a concrete project by the Ministry of Transportation and approved by the State Duma of the Russian Empire. It was finally completed almost half a century after by the Soviet Union on a different ideological foundation. The construction of the Ulan-Ude – Kyakhta – Ulan-Bator railroad line accounted for the pro-Russian character of the Mongolian economic area.*

Keywords: *transportation infrastructure, transboundary space, Trans-Siberian railway, Kyakhta railroad branch line, Mongolia, Verkhneudinsk variant, Mysovsk variant*

СЕЛЕЗНЕВ Павел Сергеевич – доктор политических наук, доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; seleznev Pavel@gmail.com)

ШАПОШНИКОВ Андрей Игоревич – студент факультета государственного управления и финансового контроля Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; andrey2606sh@rambler.ru)

ЛОББИЗМ В НЕФТЕГАЗОВОМ КОМПЛЕКСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *На основе анализа интересов крупнейших российских политических игроков в статье комплексно рассмотрены главные аспекты существующего порядка в углеводородном секторе энергетики России как базисном элементе российской экономики. Авторы рассматривают причины, наиболее существенным образом повлиявшие на направление его развития и предопределившие протекающие здесь в настоящее время процессы. При этом затрагиваются вопросы эффективного использования нефтегазовых ресурсов, их роль для будущего страны.*

Ключевые слова: *отраслевой лоббизм, нефть, нефтегазовый комплекс, энергетика, сырьевая специализация, Газпром*

Лоббизм в России и проблема его институционализации стали предметом многочисленных дискуссий как на уровне законодательных органов, так и среди научного экспертного сообщества. С момента постановки этой проблемы на законодательном уровне в 1994 г., когда был подготовлен и внесен на рассмотрение парламента проект первого федерального закона о лоббизме («О регу-

лировании лоббистской деятельности») [Лепехин 1999: 76], прошло более двух десятков лет, но данный вопрос остается актуальным до сих пор.

По образному выражению одного исследователя, лоббизм в России подобен айсбергу [Лепехин 1999: 74], т.е. фактически он давно стал частью объективной политической реальности и естественен настолько, насколько естественны интересы людей. Краеугольный вопрос состоит лишь в мере юридическо-правового оформления этого политического явления. Таким образом, российский лоббизм существует и в виде фактических неформальных отношений по продвижению коллективных интересов и, правда, в гораздо меньшей степени, в институционализированной форме. Такую «верхушку айсберга» составляют в основном экспертно-совещательные структуры, в состав которых входят представители заинтересованных групп, например Общественная палата РФ или какой-либо из советов при Президенте РФ [Фельдман 2014: 121]. Существующее соотношение цивилизованного и теневого лоббизма обусловлено противостоянием интересов заинтересованных групп и альтернативных видений развития российской политической системы.

Наиболее полно и красноречиво российский лоббизм во всех своих формах и проявлениях опосредует политическую борьбу, связанную с владением и использованием сырьевыми, в частности углеводородными, ресурсами страны. Это не случайно, ведь здесь сталкиваются экономические интересы российских нефтегазовых компаний, государства и иностранных игроков, связанные с получением сверхдоходов и обладанием рычагами политического влияния. Так, согласно информации медиахолдинга «Эксперт», доля топливно-энергетического сектора в выручке крупнейших компаний России превышает 40% [Кононова, Заверский, Савлов 2016: 104]. По данным Минфина РФ, за последние 6 лет средняя доля нефтегазовых доходов бюджета составила более 48%¹, а спрос на отечественные нефть и газ в мире впоследствии будет продолжать возрастать ввиду увеличения потребления ключевыми развивающимися странами (Китай, Индия, Бразилия, Мексика), политической нестабильности в Африке и на Ближнем Востоке (Ливия, Сирия, Ирак), выработки старых легкоизвлекаемых ресурсов (Норвегия, Канада) и по ряду других причин. Эти факторы, с одной стороны, создают для России благоприятную конъюнктуру рынка энергоносителей, а с другой — закрепляют сырьевую специализацию нашей страны, часто именуемую в оппозиционной риторике «сырьевым проклятьем». Хотя большинство ученых все же не склонны признавать роковой характер российской сырьевой ориентации, якобы приводящей к отставанию в экономическом и инновационном развитии, диспропорции роста отраслей и т.д. Идея зависимости, или так называемой сырьевой иглы, несостоятельна по ряду соображений.

Во-первых, само производство в ТЭК является высокотехнологичным процессом, например в случае разработки труднодоступных шельфовых арктических месторождений, при сжижении и регазификации природного газа, строительстве уникальных буровых платформ. Таким образом, ТЭК выступает инициатором фундаментальных научных исследований, результатом которых должны стать технологические производственные инновации, которым обеспечена коммерциализация и внедрение в производство, что, помимо всего прочего, дает возможность участвовать в крупных энергетических международных программах, таких как, например, строительство выдающегося в сфере планирования и инженерии газопровода «Северный поток», маршрут которого проходит через исключительные экономические зоны России, Финляндии,

¹ Официальный сайт Министерства финансов РФ. Доступ: <http://minfin.ru/ru/statistics/fedbud/execute/#> (проверено 08.02.2017).

Швеции, Дании и Германии, а также через территориальные воды России, Дании и Германии¹.

Во-вторых, развертывание нефтегазового сектора способствует развитию связанных с ним отраслей, таких как нефтехимия. Из-за высокой капиталоемкости и большого срока окупаемости проектов они испытывают недостаток инвестиций, источником которых должны стать финансовые ресурсы нефтегазовых компаний, образуемые в т.ч. за счет добавочной стоимости готовой продукции [Симонов 2006: 36–46]. После выделения из состава СССР суверенных республик произошел разрыв производственной цепочки. В 1970–1980-х гг. были созданы крупные современные нефтеперерабатывающие заводы: в Чимкенте и Павлодаре (Казахская ССР), Мажейкяе (Литовская ССР), Чарджоу (Туркменская ССР), Лисичанске (Украинская ССР) и Мозыре (Белорусская ССР). Понятно, что все они одновременно оказались за пределами России, в которой образовались около 2 тыс. разрозненных предприятий. В начавшемся тогда процессе интеграции отраслей особую роль продолжают играть вертикально интегрированные нефтяные компании, последовательно объединяющие весь производственный и маркетинговый цикл «от скважины до бензоколонки», начиная с разведки нефти и заканчивая сбытом готовых нефтепродуктов. Это такие компании, как Лукойл, Газпром-нефть, Роснефть и др., закончившие консолидацию активов в пределах страны только к 2005 г.

Но самое важное обстоятельство состоит в том, что если руководство РФ решит окончательно переориентировать промышленность (попытки чего путем повышения налогов в нефтегазовой отрасли и одновременного сокращения в обрабатывающем комплексе уже предпринимались либеральным блоком правительства, которые не увенчались успехом и осенью 2004 г. привели к падению темпов экономического роста вследствие стагнации в нефтегазовом комплексе [Симонов 2012: 189]), то из-за недовольства национальных элит сокращением нефтегазовых доходов и поступлений в региональные бюджеты и под давлением продолжающих нуждаться в российских ресурсах иностранных игроков возникнет угроза выделения из состава страны богатых углеводородами регионов.

Как же обстоит дело в самом нефтегазовом комплексе? В процессе перехода экономики России на рыночный путь развития в области отраслевого лоббирования стали формироваться отношения нового, более сложного, чем прежде, характера. Конечно, в советский период тоже существовали свои методы продвижения экономических интересов, особенно у крупных промышленных предприятий. Существовало достаточно мощное региональное и функциональное лобби, и лоббирование тогда осуществлялось на основании горизонтальной, т.е. территориально-отраслевой, дифференциации. Уже тогда сформировались «полугласные» каналы продвижения интересов в виде коллегий министерств, хотя коллегиальная работа в них носила чисто формальный характер. Но ввиду отсутствия политически определенных социальных групп, а также неразрывного соединения, сращивания государственных и хозяйствующих структур и отсутствия конкуренции все вопросы без каких-либо трудностей решались на уровне комитетов КПСС, Госплана и Госснаба, министерств – геологии, нефтяной промышленности и других – теми людьми, которые одновременно представляли организации и входили в государственный и партийный аппарат. С принятием ряда законов в период заката СССР, таких как «О государственном предприятии» или «О кооперации» и др., предприятия стали избавляться от опеки вышестоящих организаций. А с 1993 г., когда окончательно сформировалось так называемое нефтяное лобби – совокупность основных групп интересов топливно-

¹ Газопровод. – *Nord Stream AG*. Доступ: <https://www.nord-stream.com/ru/proekt/gazoprovod-severnyipotok/> (проверено 14.02.2017).

энергетического комплекса, от них потребовалась колоссальная энергия, титаническая работа по эффективному взаимодействию с государственными органами. При этом механизм продвижения интересов не изменился. У власти остались все те же региональные и отраслевые кланы [Лепехин 1999: 59-63]. И это не удивительно, ведь в 1992 г. путем создания соответствующей нормативной базы произошло институциональное закрепление собственности за крупными функционерами профильных структур бывшего СССР. Например, В. Алекперов до занятия должности президента НК «Лукойл» занимал пост первого заместителя министра нефтегазовой промышленности СССР; потомственный нефтяник С. Муравленко стал руководителем Юганскнефтегаза; В. Богданов руководил Сургутнефтегазом с середины 1980-х гг. Аналогичная ситуация произошла и с НК «ЮКОС» [Симонов 2005: 10]. Изменились лишь каналы лоббирования. Причем интересен тот факт, что если в 1990-х гг. и в начале нулевых основные точки доступа были сосредоточены в Государственной думе, то к 2006 г. лоббистский потенциал этой палаты российского парламента начал падать [Иванов 2014: 100]. Это связано с формированием парламентского большинства у партии власти, в связи с чем сократилась возможность заинтересованных групп влиять на законотворческий процесс — законы с нужными условиями стали приниматься большинством в любом случае. Поэтому в последнее время произошла переориентация нефтяных компаний на установление контактов с исполнительными органами власти, в первую очередь с правительством РФ, министерствами энергетики, экономического развития, природных ресурсов и рядом других, а также на взаимодействие с имеющим в нашей стране внушительные полномочия аппаратом Президента. Таким образом, в современный период в России в самой доходной отрасли ведется ожесточенная конкурентная борьба элит, а точнее, элитарных групп внутри сырьевой элиты.

С одной стороны, отраслевой лоббизм не противоречит ни интересам государства — ведь именно по отраслевому, т.е. профессиональному, признаку устроена исполнительная власть и думские комитеты, — ни интересам самих акторов. Особенно, когда производители углеводородного сырья выступают единым фронтом, от имени всей отрасли. Это благоприятно сказывается на их экономическом положении, на внутренних и внешних энергетических рынках, от чего во многом зависит финансовое благополучие государства (львиную долю бюджета составляют поступления от нефтепромышленников в виде налога на добычу полезных ископаемых и таможенных пошлин, причем они рассчитываются в зависимости от мировых цен на нефть). Еще в 2007 г. В. Путин заявлял, что «реальная энергобезопасность достижима только в случае солидарной ответственности всех участников энергетической цепочки»¹. Поэтому такой лоббизм можно считать взаимовыгодным партнерством как отдельных нефтяных компаний между собой, так и их с государством.

Это подтверждает пример крупнейшей отраслевой профессиональной ассоциации по защите общих интересов предприятий по производству углеводородного сырья, которым является Союз нефтегазопромышленников России, действующий с февраля 1992 г. Подтверждая сказанное, можно привести пример того, как Совет Союза нефтегазопромышленников России активно и конструктивно участвовал в разработке Энергетической стратегии России до 2030 года, что доказывает необходимость лоббировать и учитывать интересы всей отрасли. Вообще нефтяные компании открыто называли СНГП своей лоббистской структурой [Иванов 2014: 97].

Несомненно, ТЭК может оказывать определяющее влияние на политический

¹ Путин: энергетическая безопасность нужна всем. — *НТВ*. Доступ: <http://www.ntv.ru/novosti/101773/> (проверено 02.02.2017).

курс РФ, причем как на внутренний, так и на внешний, потому что нефтяные компании имеют влияние в некоторых регионах мира, где влияние Москвы после распада СССР сильно упало. В частности, они приобретают активы в Европе, закрепляя ее зависимость от поставок топлива. Но эта отрасль сокращается, а значит, и коллективные интересы, которые они могли бы лоббировать, сосредоточиваются, концентрируются, причем опосредованно, в руках государства.

Это выявляется при анализе трансформации заинтересованных групп нефтяной промышленности. Показателен уход со сцены крупнейшего игрока рассматриваемой отрасли НК «ЮКОС». Открытием в 2003 г. так называемого дела ЮКОСА и последующей распродажей нефтяного гиганта в 2006–2007 гг. с выгодой для себя воспользовалась государственная компания «Роснефть», превратившись в одного из лидеров на нефтяном рынке. Так государственники наглядно показали частному бизнесу неотвратимость деприватизации, передела собственности, по их мнению, несправедливо распределенной в перестроечный период. В это же время Газпром приобрел контрольный пакет акций ОАО «Сибнефть», а в 2013 г. ТНК перешла под контроль Роснефти. Таким образом, субъектный состав нефтяных компаний, лоббирующих свои интересы в органах власти, с середины нулевых годов сильно изменился, и основное влияние в отрасли имеют только 3 компании, поднявшиеся на недостижимый уровень для остальных участников рынка, причем 2 из них, Газпром и Роснефть, являются государственными корпорациями, и только одна – Лукойл – частной компанией [Иванов 2014: 100]. Такой процесс получения государственного контроля над национальными природными ресурсами охватывает не только Россию, но и ряд других нефтедобывающих стран: Бразилию, Венесуэлу, Малайзию, Саудовскую Аравию, Иран. То есть, наблюдается тенденция потери влияния частных глобальных энергетических компаний [Юшков 2013: 33], и недавние события, будь то избрание президентом США Д. Трампа – крайнего изоляциониста, отстранение экс-министра экономического развития А. Улюкаева, ориентированного на мировую финансовую элиту, или сохранение государственного контроля над Роснефтью после недавней приватизации, это подтверждают. Вероятно, для России такое изменение соотношения сил определяется необходимостью устранения разрозненности интересов в наиболее значимой для страны отрасли и укрепления политической команды В. Путина, стремящейся получить лояльность элиты и возможность свободно действовать на международной арене. Кроме этого, необходимо было не допустить полной продажи стратегических компаний иностранным инвесторам. И хотя это могло способствовать притоку в отрасль крупного капитала, так необходимого в тот период, но возникала бы угроза потерять контроль над ключевой отраслью и превратиться в сырьевой придаток неокOLONIALИСТИЧЕСКОЙ системы.

Таким образом, организации, не сумевшие наладить связи с партией, получившей конституционное большинство, были вынуждены покинуть отрасль. Их лоббисты оказались менее эффективными. Например, НК «ЮКОС» в основном поддерживала партия «Яблоко», не входящая в состав Государственной думы с 4-го созыва.

Так выявляется другая сторона лоббизма в ТЭК, когда значительная часть деятельности нефтяного лобби нацелена на защиту собственных корпоративных интересов с использованием при этом и своего собственного лоббистского ресурса.

Например, известен такой яркий пример, как принятие в 2006 г. закона «Об экспорте газа». Согласно этому закону монопольным экспортером всего голубого топлива в РФ признается собственник единой системы газоснабжения. А

поскольку Газпром был образован в 1989 г. путем преобразования Министерства газовой промышленности СССР, то он и владел всей инфраструктурой на территории РСФСР. Несомненно, что единственным экспортером природного газа Газпром *de facto* был всегда, просто ранее, ссылаясь на отсутствие мощностей, он не пускал в экспортную трубу других производителей. Поэтому, как оказалось в дальнейшем, принятие закона «Об экспорте газа» отразилось не только и не столько на независимых производителях газа (которые уже с монополистом не связывались, потому что привыкли к его доминированию), но в гораздо большей степени на нефтяных компаниях. Газпрому удалось перехватить у нефтяников экспорт сжиженного углеводородного газа (пропан-бутана) и газового конденсата – аналога нефти, которые еще в 2005 г. приносили им прибыль в размере около 2,5 млрд долл. Конечно, их лоббисты пытались изменить ситуацию в свою пользу: писали письма премьер-министру Михаилу Фрадкову, обращались в ФАС, привлекали чиновников из Министерства экономического развития и Министерства промышленности и энергетики. Сложившуюся ситуацию делает особенной еще и то, что в конфликте не желало участвовать ни одно из профильных ведомств, во многом из-за того, что никто не хотел вступать в конфликт, который неизбежно возник бы между главой Роснефти Игорем Сечиным и ее президентом Сергеем Богданчиковым, с одной стороны, и председателем правления Газпрома Алексеем Миллером и вице-премьером Дмитрием Медведевым – с другой. И только спустя 7 лет, в 2013 г., поправки, инициаторами которых явились И. Сечин и Г. Тимченко, подписал президент РФ В. Путин [Толстых 2007: 295–300].

Но был выдвинут ряд существенных ограничений, поэтому такая либерализация экспорта стала довольно относительной, выгодной лишь немногим компаниям. Их лицензии должны предусматривать «строительство завода по производству газа природного в сжиженном состоянии или направление добытого газа природного в газообразном состоянии для сжижения на завод по производству газа природного в сжиженном состоянии»¹. То есть, закон нацелен на стимулирование инвестиционной деятельности в новые технологии. Охлаждая природный газ до $-161,6^{\circ}\text{C}$ (температура конденсации), его превращают в жидкость, при этом экономия на объеме составляет 600 раз, что является главным преимуществом этой технологии². Она позволит российским производителям диверсифицировать поставки и выйти на рынок США – крупнейшего потребителя этой продукции, а также поставлять газ главным импортерам Азиатско-Тихоокеанского региона (Япония, Корея, Китай, Индия, Тайвань) [Симонов 2006: 43]. Это имеет стратегическое значение для нашей страны, особенно если учесть прогнозируемое экспертами замедление роста спроса на российские углеводороды со стороны ЕС после 2025–2030 гг., обусловленное снижением темпов экономического роста в Европе в период 2016–2040 гг. и параллельным проведением политики энергоэффективности [Бушуев и др. 2016: 33]. В России пока действует только один завод по сжижению природного газа, запущенный в 2009 г. в рамках проекта «Сахалин-2». Но этого явно недостаточно, и уже были запланированы проекты с государственной поддержкой по строительству завода на Штокмане, двух заводов в Приморье, а также независимый проект «Печора СПГ» [Виноградова 2011: 4].

Впрочем, можно согласиться, что решение властей не допускать излишней конкуренции в зарубежных поставках газа вполне оправданно. В противном слу-

¹ Закон РФ «Об экспорте газа» от 18.07.2006 № 117. – *Российская газета*. 2006 № 156. Ст. 3 с изм. и доп. в ред. от 30.11.2013.

² Что такое сжиженный природный газ. – *Газпром*. Информаторий. Доступ: <http://www.gazprominfo.ru/articles/liquid-gas/> (проверено 25.01.2017).

чае наличие нескольких конкурирующих между собой продавцов-экспортеров привело бы к демпингу, а значит и сокращению прибылей и, соответственно, доходов государственного бюджета.

Приведенный пример свидетельствует о наличии внутри отрасли острой борьбы между нефтяными компаниями за принятие желаемых правовых актов. Но он уникален и скорее исключение, чем правило. А обычно распространенным и приоритетным предметом лоббирования является законодательство в области налогового регулирования и принятия федерального бюджета. Для обоснования этого утверждения достаточно вспомнить прения при принятии закона, связанного с дифференциацией НДС в 2006 г., когда в проигрыше оказалась Лукойл (в последний момент Тимано-Печора – главная часть запасов Лукойла – была исключена из регионов, которым предоставлялись «налоговые каникулы»), принятие законов, связанных с соглашением о разделе продукции, когда согласительная комиссия заседала рекордные 8 раз, множественные поправки к НК РФ, активные выступления депутатов в Думе при принятии законов о бюджете (особенно в конце 90-х – начале нулевых), хотя на сегодняшний день бюджет принят, прежде всего, фракция «Единая Россия», причем практически в том виде, в котором его вносит правительство РФ. Как уже было сказано, вектор противостояния сместился в сторону исполнительной власти.

Особенно впечатляют размах и частота кадровых перестановок в высших эшелонах управления топливно-энергетического сектора. Смена лидеров властвующих элит, причастных каким-либо образом к российской энергетике, носит перманентный характер.

Таким образом, лоббизм в нефтегазовом комплексе во многом требует упорядочения и создания «правил игры». Такой деятельностью по влиянию на формирование системно организованной совокупности общественных норм в области нефтяного бизнеса, по совершенствованию правового поля (иногда в сугубо личных интересах) занималось нефтяное лобби, которое продумывало стратегию взаимоотношений с органами власти. За последние десятилетия ситуация в нефтегазовом комплексе существенно улучшается. Но у России и нет другого выхода, кроме как упорядочить и в дальнейшем взять под контроль ситуацию в отрасли. Российские природные ресурсы останутся необходимыми во всем остальном мире, несмотря на активную декларацию политики использования альтернативных источников энергии. На их долю в 2020 г. будет приходиться лишь 5,6–5,8% общего энергопотребления [Рац, Мординова 2012: 135]. Даже при самом оптимистическом мировом сценарии развития возобновляемой энергии этого будет недостаточно для удовлетворения растущих потребностей. Конкуренцию нефтегазовой отрасли могут составить лишь водородная или атомная энергия. Но первая финансируется в основном теми же нефтегазовыми компаниями и ими контролируется [Симонов 2006: 242], а вторая, хотя и демонстрирует развитие в передовых странах, основывается на ограниченном ресурсе – уране, по объему запасов которого Россия занимает 3-е место в мире. Этого достаточно, чтобы обеспечить бесперебойные поставки сырья на многие десятилетия вперед¹. Атомная энергетика имеет и ряд других проблем, среди которых возможность использования гражданских разработок в военных целях, повышенная экологическая опасность и пр. Поэтому энергетические ресурсы России в обозримом будущем останутся востребованными, что требует продолжения организованной государственной политики в рассматриваемой сфере, причем необходимо синергетическое объединение усилий и бизнеса, и государства.

¹ Добыча урана. – *Росатом*. Доступ: <http://www.rosatom.ru/production/mining/> (проверено 13.02.2017).

Список литературы

- Бушуев В.В., Громов А.И., Белогорьев А.М., Мастепанов А.М. 2016. *Энергетика России: постстратегический взгляд на 50 лет вперед*. М.: ИАЦ «Энергия». 96 с.
- Виноградова О. 2011. СПГ в России: что, где, когда? – *Нефтегазовая вертикаль*. № 18. С. 4–8.
- Иванов П.А. 2014. *Особенности функционирования групп интересов в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации*: дис. ... к.полит.н. М.: МГУ им. Ломоносова. 225 с.
- Кононова В.Ю., Заверский С.М., Савлов М.Е. 2016. Анатомия крупного бизнеса. – *Эксперт*. № 43. С. 104–107.
- Лепехин В.А. 1999. Лоббизм в России и проблемы его правового регулирования. – *Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе*: сборник. М.: Моск. обществ. науч. фонд. Сер. Научные доклады. Вып. 76. С. 57–85.
- Рац Г.И., Мординова М.А. 2012. Развитие альтернативных источников энергии в решении глобальных энергетических проблем. – *Известия Иркутской государственной экономической академии*. № 2. С. 132–136.
- Симонов К.В. 2005. *Русская нефть: последний передел*. М.: Эксмо; Алгоритм. 320 с.
- Симонов К.В. 2006. *Энергетическая сверхдержава*. М.: Алгоритм. 272 с.
- Симонов К.В. 2012. «Ресурсное проклятье» – миф или реальность? – *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. № 4. С. 186–201.
- Толстых П.А. 2007. *GR. Практикум по лоббизму в России*. М.: Альпина Бизнес Букс. 379 с.
- Фельдман П.Я. 2014. Нужен ли в России закон о лоббизме? – *Власть*. № 2. С. 119–122.
- Юшков И.В. 2013. О роли энергетических ресурсов в международных конфликтах будущего. – *Вестник Московского университета*. Сер. 12. Политические науки. № 2. С. 28–37.

SELEZNEV Pavel Sergeevich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor at the Department of Political Sciences, Financial University under the Government of the RF (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; seleznev Pavel@gmail.com)

SHAPOSHNIKOV Andrei Igorevich, student of the Faculty of Public Administration and Financial Control, Financial University under the Government of the RF (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; andrey2606sh@rambler.ru)

LOBBYING IN THE OIL AND GAS SECTOR OF MODERN RUSSIA

Abstract. Basing on the analysis of the largest Russian political players' interests, the article comprehensively examines the main aspects of the existing order in the hydrocarbon sector of the Russian energy sector as a basic element of the Russian economy. Great importance is attended to the events which took place during reform of the Russian political system and market transformations of the economy, when there was a choice of sector's management model. Consequently, the ratio of private and state control over a strategic resource is one of the main explored question in this paper.

The authors consider the reasons, which most significantly influenced the direction of its development and predetermined the processes that are taking place at the present day. The authors touch upon the issues of effective use of oil and gas resources and their role for the future of the country. As a result, the most topical questions here are the problem of innovative development of the oil and gas industry, structural changes, a resource curse applied to Russia and the level of the future world demand for hydrocarbons.

Keywords: branch lobbyism, oil, oil and gas complex, power engineering, raw material specialization, Gazprom